
НАВЬ
и
ЯВЬ
СЛАВЯНСКИЕ МИФЫ,
ВЕДЬМЫ И НЕЧИСТАЯ СИЛА
Путеводитель по тёмной
стороне народной веры

Иван Гром

Навь и Явь : Славянские мифы

https://litres.ru/74710527
SelfPub; 2026

Аннотация

Домовой, которому оставляют кашу за печкой. Банник, способный запарить до смерти зазевавшегося гостя. Полудница, бродящая по ржаному полю в самый жаркий час. Ведьма, что доит чужих коров через воткнутый в стену нож. Заложный покойник, которого не принимает земля.

Это не сказки для детей. Это рабочая картина мира, в которой несколько столетий жили десятки миллионов людей — от польского Поморья до русского Севера и от Карпат до Балкан. В ней было точно известно, где нельзя строить дом, в какой час опасно подходить к воде, что делать, если у коровы пропало молоко, и почему покойника выносят ногами вперёд.

Содержание

От автора 9
Что в ней есть и чего в ней нет 10
Как читать 11
О терминах и осторожности 13
Часть первая. Мир, каким его видели 14
Глава 1. Что мы знаем и откуда 14
Первая группа: чужие свидетельства 14
Вторая группа: русские церковные поучения 16
Третья группа: этнография 17
Чего делать нельзя 18
Глава 2. Дерево, река и дорога: как устроено пространство 20
Вертикаль: мировое дерево 20
Горизонталь: концентрические круги 21
Логика, которая из этого следует 23
Глава 3. Явь, Навь, Правь: разбор одного популярного мифа 25
Навь 25
Явь 26
Правь 27
Почему это важно 28
Глава 4. Нечистая сила: кто все эти существа 30

и как они устроены
Проблема с переводом 30
Три источника происхождения 31
Что у них общего: двенадцать признаков 32
Глава 5. Чистое и нечистое 36
Чем нечистота не является 36
Кто и что нечисто 37
Что чисто и как это поддерживается 39
Почему это важнее, чем кажется 40
Глава 6. Слово и имя: язык как инструмент 42
Назвать значит позвать 42
Эвфемизмы: как говорить, не называя 43
Запреты: чего нельзя говорить 45
Обратная сторона: брань, крик и смех 46
Молчание 48
Глава 7. Зачем всё это было нужно 49
Она объясняла необъяснимое 49
Она управляла страхом 50
Она была техникой безопасности 50
Она давала процедуру на случай беды 51
Часть вторая. Боги 53
Глава 8. Перун: тот, у кого молния 53
Имя 53
Что о нём сообщают источники 54
Как он выглядел 55
Куда он ушёл 56

Основной миф: гроза как погоня 57
Глава 9. Велес: скот, золото и тот свет 59
Имя и свидетельства 59
Что у него в сфере 59
Куда ушёл 60
Чем Велес не был 61
Глава 10. Мокошь и женская сила 62
Имя и свидетельства 62
Что в её сфере 62
Куда ушла 63
Рожаницы, суденицы, доля 64
Глава 11. Солнце, небо и огонь: остальные имена из списка 66
Сварог и Сварожич 66
Дажьбог 67
Хорс 67
Стрибог 68
Симаргл (Семаргл) 69
Ярила и Купала 69
Глава 12. Небо: солнце, луна и звёзды 72
Солнце 72
Луна 73
Звёзды 74
Гроза, радуга, ветер 76
Что из этого следует 77
Глава 13. Боги Балтийского Поморья 78

Святовит (Свантевит) в Арконе 78
Триглав в Щецине и Бранденбурге 80
Радегаст (Сварожич) в Ретре 80
Яровит и Руевит 81
Чернобог и Белобог 81
Почему западный материал так важен 82
Глава 14. Капища, волхвы и жертвы 83
Проблема со святилищами 83
Идолы 85
Волхвы 86
Жертвы 88
Что осталось от всего этого 91
Глава 15. Боги, которых не было 93
Кабинетная мифология XVIII–XIX веков 93
Выдумки XX–XXI веков 95
Почему я на этом настаиваю 96
Часть третья. Хозяева: духи дома, двора и дикого мира 98
Глава 16. Домовой: предок за печкой 98
Имена 98
Кто он на самом деле 99
Конец ознакомительного фрагмента. 100

Иван Гром
Навь и Явь :
Славянские мифы

Навь и Явь

Славянские мифы, ведьмы и нечистая сила: путеводитель по тёмной стороне народной веры

16+

Аннотация

Домовой, которому оставляют кашу за печкой. Банник, способный запарить до смерти зазевавшегося гостя. Полудница, бродящая по ржаному полю в самый жаркий час. Ведьма, что доит чужих коров через воткнутый в стену нож. Заложный покойник, которого не принимает земля.

Это не сказки для детей. Это рабочая картина мира, в которой несколько столетий жили десятки миллионов людей — от польского Поморья до русского Севера и от Карпат до Балкан. В ней было точно известно, где нельзя строить дом, в какой час опасно подходить к воде, что делать, если у коровы пропало молоко, и почему покойника выносят ногами вперёд.

Эта книга — путеводитель по тёмной половине славянской народной веры. По её устройству, логике и правилам. Здесь вы найдёте картину мифологического космоса, панте-

он языческих богов и то, что говорит о капищах и жертвах археология; полный свод духов дома, двора, поля, леса и воды; чёрта как главного героя народного христианства; классификацию беспокойных мертвецов, представления о душе и географию того света; разбор того, кем была деревенская ведьма и чем она отличалась от знахарки; обряды рождения, свадьбы и постройки дома; календарь опасных дней; систему оберегов и заговоров; региональные различия между восточными, западными и южными славянами — и рассказ о том, как всё это кончилось.

И ещё одно, чего обычно не хватает книгам на эту тему: честное разделение подлинного и выдуманного. Что действительно записано этнографами в деревнях XIX–XX веков, что домыслили кабинетные мифологи позапрошлого века, а что сочинено в последние пятьдесят лет и выдано за древнее знание. «Велесова книга», «славяно-арийские веды», глянцевые «пантеоны» из интернета — всё это разобрано отдельно и по пунктам.

Книга написана для читателя без специальной подготовки, но на материале научной этнографии и фольклористики — от Афанасьева, Зеленина и Максимова до «Славянских древностей» и работ Левкиевской, Виноградовой, Петрухина, Успенского.

Оглавление

Оглавление формируется автоматически: обновите поле (F9) в Word.

От автора

Эта книга началась с раздражения.

В русскоязычном интернете славянская мифология существует в двух несовместимых видах. Первый — яркие «пантеоны» с золотыми рамками, где у каждого бога прописаны сфера ответственности, день недели, камень-покровитель и чакра. Второй — сухие академические статьи, которые невозможно читать без филологического образования, потому что они написаны не для вас, а для коллег автора.

Беда в том, что первое — в основном выдумка последних десятилетий. А во втором как раз и лежит всё, что человеку хочется узнать, — только добраться до этого почти невозможно.

Между этими полюсами есть огромный, подлинный и по-настоящему увлекательный материал: тысячи страниц записей, сделанных этнографами в деревнях Русского Севера, Полесья, Карпат, Поморья, Македонии. Там нет глянца. Там есть крестьянин, который всерьёз объясняет собирателю, почему нельзя оставлять на ночь в избе непокрытую воду, и описывает, как выглядит та, что в эту воду заглядывает.

Эта книга — попытка пересказать подлинное так, чтобы его хотелось читать.

Что в ней есть и чего в ней нет

Есть: устройство мифологического мира и язык, которым о нём говорили; боги, о которых мы хоть что-то знаем, и то, что осталось от их святилищ в земле; полный свод духов — домашних, дворовых, полевых, лесных, водяных; чёрт; звери и правила обращения с ними; мертвецы, которые не остались в могиле; душа и тот свет; ведьмы, колдуны, оборотни и колдовские рукописи; обряды рождения, свадьбы и дома; календарь опасных дней; обереги и заговоры; региональные варианты верований; история того, как традиция кончилась и как её остатки попали в литературу и поп-культуру.

Нет: прямых ответов на вопросы, на которые у науки ответов не существует. Я не расскажу вам, как по-настоящему звали бога солнца, какова была правильная последовательность славянских обрядов инициации и что означала «подлинная» славянская руническая письменность. Не потому, что это тайна, а потому, что эти вопросы поставлены неверно: такого знания у нас нет, и всё, что подаётся как ответ, — изобретение. Там, где начинается догадка, я буду это говорить.

Как читать

Части можно читать по порядку или вразбивку. Первая часть — устройство мира, она задаёт систему координат для всего остального, и её лучше не пропускать: в ней разобраны три вещи, без которых дальше будет непонятно, — топография своего и чужого, оппозиция чистого и нечистого и отношение к слову. Вторая — боги, святилища и небо. Части с третьей по пятую — собственно нечистая сила и люди, которые с ней работали: хозяева мест, чёрт, звери, беспокойные мертвецы, душа и тот свет, ведьмы и оборотни. Шестая — практическая: календарь, Святки и Купала, обереги, обряды рождения, свадьбы и дома, скот, погода, заговоры. Седьмая — региональные различия и отдельная глава о том, как делается полевая запись. Восьмая — о том, как традиция кончилась, как миф стал литературой и поп-культурой, чего мы по-прежнему не знаем и что из всего этого можно увидеть своими глазами сегодня.

Главы связаны перекрёстными отсылками, но каждая написана так, чтобы её можно было читать отдельно. Если вы пришли за конкретным персонажем — смотрите словарь в конце: там сто пятнадцать статей с короткими справками, и из каждой видно, в какой главе искать подробности.

В конце — ещё и список литературы. Всякому, кто захочет копать дальше, я советую начать именно со списка: эта

книга — пересказ, а там лежат источники.

О терминах и осторожности

Я пользуюсь словами «славянская мифология» и «славянское язычество» как рабочими ярлыками, помня, что за ними не стоит единой системы. Не было никакого общеславянского вероучения с канонами и догматами — были локальные, часто противоречащие друг другу комплексы верований, которые к тому же почти всюду существовали внутри христианства, а не вместо него.

Крестьянин, который перед выходом в лес крестился, а потом просил у лешего разрешения войти, не был ни двоеверцем, ни лицемером. Он просто жил в мире, где работает и то и другое, и пользовался обоими инструментами. Понять это — главное условие, чтобы всё дальнейшее перестало выглядеть набором суеверий и стало тем, чем было: рабочей инструкцией по выживанию.

Часть первая. Мир, каким его видели

Глава 1. Что мы знаем и откуда

Начнём с неприятного. Славянская мифология — это дисциплина, построенная на огромной дыре.

У греков есть Гомер и Гесиод, у скандинавов — две Эдды, у индийцев — Веды. Это тексты, записанные внутри самой традиции людьми, которые в неё верили или по крайней мере помнили её живой. У славян такого текста нет. Ни одного. Ни строчки языческого гимна, ни одного мифа, рассказанного язычником.

Всё, что у нас есть, делится на три группы, и каждая по-своему ненадёжна.

Первая группа: чужие свидетельства

О славянских верованиях писали те, кто смотрел снаружи и обычно сверху.

Прокопий Кесарийский, византийский историк VI века, в трактате «О войне с готами» сообщает про склавинов и антов: они верят в одного бога, творца молнии, приносят ему

в жертву скот, почитают также реки, нимф и некие другие божества. Это буквально несколько строк, но они драгоценны: это первое и самое раннее описание, и из него следует, что уже в VI веке у славян есть верховный громовик и культ воды.

Немецкие и датские хронисты XI–XIII веков описывают западнославянские святилища гораздо подробнее — потому что их разрушали. Титмар Мерзебургский рассказывает о священной роще в Гломаче; Адам Бременский и Гельмольд из Босау — о землях вагров и ободритов; Саксон Грамматик в «Деяниях данов» даёт знаменитое описание храма Святовита в Арконе на острове Рюген: четырёхглавый идол, рог с вином в руке, по уровню которого жрец предсказывал урожай, священный белый конь, которого проводили через копья для гадания. Храм был сожжён датчанами в 1168 году — и это описание сделано, по сути, победителями при разборе трофеев.

«Житие Оттона Бамбергского» и хроника Эббона описывают Щецин с четырьмя храмами и культом Триглава — трёхглавого бога, чьего коня тоже использовали для гаданий, проводя его по полю с воткнутыми в землю копьями.

Ценность этих текстов — в конкретности. Их проблема — в оптике. Писали миссионеры и их биографы, для которых всё это было бесовщиной, подлежащей уничтожению, и которые бессознательно подгоняли чужое под знакомую рамку: раз есть идолы, значит есть храмы, жрецы, пантеон с иерар-

хией — как у римлян, как в античных описаниях. Где кончается наблюдение и начинается шаблон, мы часто не можем определить.

Вторая группа: русские церковные поучения

Это тексты, написанные против язычества — и потому перечисляющие его.

«Слово некоего христолюбца», «Слово святого Григория изобретено в толцех» (известное также как «Слово об идолах», и дошедшее в нескольких редакциях), многочисленные поучения против «двоеверно живущих» перечисляют, кому именно продолжают молиться крестьяне: Перуну, Хорсу, Мокоши, Роду и рожаницам, вилам, упырям и берегиням, Симарглу. Отдельная ценность — список из «Повести временных лет» за 980 год: Владимир ставит в Киеве идолы Перуна с серебряной головой и золотым усом, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши.

Здесь мы хотя бы имеем дело с внутренним материалом: автор — местный, он знает, о чём говорит, он видел это своими глазами. Но жанр диктует искажения. Задача текста — обличить, а не описать. Перечни составляются по принципу «чем длиннее, тем страшнее», в них попадают и книжные заимствования из греческих источников, и реальные деревенские практики, и всё это без различения.

Третья группа: этнография

И вот здесь — настоящее богатство.

С конца XVIII и особенно в XIX–XX веках собиратели пошли в деревню и начали записывать то, что там говорят. Не реконструировать древнее язычество, а фиксировать живое: кто такой домовой, что делают на Купалу, как лечат испуг, почему нельзя свистеть в избе.

Объём этого материала колоссален. Александр Афанасьев собрал сказки и написал трёхтомные «Поэтические воззрения славян на природу». Сергей Максимов издал «Нечистую, неведомую и крестную силу» — по сей день, пожалуй, самое живое чтение по русской демонологии. Дмитрий Зеленин написал работы о заложных покойниках и русалках, которые не устарели за сто лет. Владимир Даль собрал «О поверьях, суеверьях и предрассудках русского народа». Польские, чешские, сербские, болгарские, украинские, белорусские собиратели сделали то же в своих землях. В XX веке Полесская экспедиция под руководством Никиты Толстого вывезла из украинско-белорусского пограничья архив, который разбирают до сих пор, а итогом стал пятитомный этнолингвистический словарь «Славянские древности» — главная справочная книга по теме на русском языке.

Этнография даёт нам то, чего нет больше нигде: живую систему в работе, с деталями, вариантами, противоречиями

и объяснениями самих носителей.

Но у неё есть своё ограничение, и его нужно понимать очень ясно. Этнограф XIX века записывал не язычество. Он записывал крестьянскую культуру христианской эпохи — систему, которая формировалась тысячу лет после крещения, впитывала церковные сюжеты, апокрифы, книжные повести, соседские заимствования и собственные новообразования. Домовой, которого описывает вологодский крестьянин в 1890 году, — не реликт VI века, законсервированный в неизменном виде. Это живое и современное ему верование, у которого есть древние корни, но есть и восемь веков самостоятельной жизни.

Чего делать нельзя

Отсюда главное методологическое правило, которым я буду пользоваться всю книгу.

Нельзя брать деревенское верование XIX века и объявлять его прямым свидетельством о язычестве. Нельзя брать имя бога из летописного списка и достраивать ему биографию по аналогии с греческим или скандинавским. Нельзя соединять обрывки из разных эпох, земель и жанров в единую «славянскую мифологию» с непротиворечивым пантеоном.

Именно это делали в XIX веке: так называемая кабинетная мифология произвела на свет десятки красивых и полно-

стью вымышленных божеств. Лель, Полель, Зимцерла, Дид, Дидилия, Услад, Зевана, Числобог — это не боги. Это филологические недоразумения, ошибки прочтения и прямые выдумки, которые потом разошлись по популярным книгам и теперь живут в интернете как древнее знание.

Отличать одно от другого — не педантизм. Это единственный способ увидеть настоящее. Подлинный материал — страннее, конкретнее и интереснее любой подделки: ни один сочинитель не придумал бы банника, который обижается, если помыться в четвёртый пар, и за это может сварить тебя живьём.

Глава 2. Дерево, река и дорога: как устроено пространство

Если попытаться одной фразой сформулировать главную особенность мифологического пространства у славян, она будет такой: пространство неоднородно и небезразлично.

Нет нейтральной территории. Каждое место обладает качеством — оно своё или чужое, чистое или нечистое, безопасное или опасное, и у него, как правило, есть хозяин. Шаг в сторону от известного — это не просто перемещение, это смена юрисдикции.

Вертикаль: мировое дерево

Образ дерева, соединяющего миры, — один из немногих, где у нас есть основания говорить о реальной древности и широком распространении.

В заговорах оно появляется постоянно, и формула держится с удивительной устойчивостью: «на море на окияне, на острове на Буяне стоит дуб, под тем дубом…» Дальше следует то, что заговаривающему нужно: камень, змея, старец, сам Господь. В загадках мир описывается как дерево. В обрядовых песнях дерево растёт среди моря, и на вершине его сидят птицы, в середине — пчёлы, у корней — змеи или бобры.

Структура трёхчастная и читается легко. Вершина — птицы, небо, верхний мир. Ствол и середина — пчёлы или человек, земля, срединный мир. Корни — змеи, бобры, рыбы, вода, подземное. Это та же схема, что в скандинавском Игдрасиле и в десятках других традиций, и она, скорее всего, действительно индоевропейского возраста.

Важно, что дерево — не просто картинка. Это модель, по которой строится ритуал. Купальское и троицкое дерево, свадебное деревце, майское дерево у западных славян, рождественский бадняк у балканских — это всё оно же, установленное на время обряда в центр человеческого пространства. Через него осуществляется связь: по дереву спускаются и поднимаются.

Горизонталь: концентрические круги

Практически же повседневное пространство организовано не вертикально, а концентрически — кругами убывающей безопасности.

Центр — печь и красный угол. Самое своё из всего своего. Печь — средоточие жизни дома: тепло, еда, роды (в печи или около неё), лечение, место сна стариков и детей. С печью связан домовой, в печи сжигают срезанные волосы и зубы, в печную трубу кричат, вызывая пропавшую скотину. Красный угол напротив — с иконами, за столом сидит хозяин, здесь принимают важных гостей, здесь ставят угоще-

ние для предков. Это два полюса одного сакрального центра, «тёплый» и «светлый».

Изба. Внутри избы безопасно, но не абсолютно. Под порогом и в подполье — зона предков и потенциальной опасности, там хоронили пуповину, под порог клали оберег. Подпол, чердак, углы — места, где может завестись кикимора. Окно — не только свет, но и канал, через который входит и выходит то, что не ходит в дверь: через окно подают милостыню по покойнику, через окно выносят умершего не своей смертью, в окно заглядывает смерть.

Порог. Граница в чистом виде. Через порог не разговаривают, на пороге не стоят, невесту переносят через него на руках, покойника несут ногами вперёд. Всё, что происходит на пороге, происходит нигде — и потому опасно.

Двор. Уже не совсем дом. Здесь свой хозяин — дворовой, и отношения с ним более напряжённые, чем с домовым. Здесь хлев, где скотина уязвима, и сарай, и колодец. Двор обнесён оградой, и ограда эта имеет не только хозяйственное значение.

Баня, овин, кузница, мельница. Это постройки внутри усадьбы или рядом с ней, но по статусу — чужие. В них нет икон. В них живут отдельные, мало расположенные к человеку духи. В них совершают гадания и колдовство именно потому, что они «не дом». Баню и овин топят огнём, они связаны с жаром и паром — и обе с высокой вероятностью горят, и обе — сцена значительной части страшных историй.

Поле. Освоенное, но открытое. Поле — это зона полевика и полудницы, и опасность здесь не ночная, а дневная: полуденный зной, когда нельзя жать.

Межа и перекрёсток. Границы и места, где границы пересекаются. Межа между полями, граница между угодьями, перекрёсток дорог — здесь выбрасывают болезнь, здесь оставляют то, что хотят отдать нечистой силе, здесь колдуют и гадают, здесь закапывают заложных покойников. Перекрёсток — место, где не действует принадлежность.

Лес. Полностью чужая территория, у которой есть владелец — леший. Входить можно, но по правилам: с разрешением, без свиста, не трогая лишнего. Лес кормит и лес губит, и обе функции осознаются равно отчётливо.

Вода. Самое чужое и самое опасное. Река, озеро, омут, болото, колодец — это не стихия, а другой мир, у которого есть дно, и на этом дне — обитатели. Вода не прощает. Вода забирает людей и не возвращает их, а утопленник сам становится опасной сущностью. Отношение к воде у славян — ровно обратное отношению к печи: это самая холодная и самая иная точка картины мира.

Болото, глухой омут, Лысая гора. Крайний предел. Место, где нечистая сила не гостит, а живёт.

Логика, которая из этого следует

Эта схема объясняет едва ли не всё дальнейшее.

Все переходы между кругами ритуализованы — потому что опасны именно переходы, а не сами места. Все обереги располагаются на границах: у порога, на окне, на воротах, на вороте рубахи (слово «воротник» и слово «ворота» родственны неслучайно — это один и тот же тип защищаемого отверстия). Все колдовские действия производятся в пограничных точках: на перекрёстке, в бане, на меже, на заре, в полночь. Всё, что приходит извне — путник, новая невеста, купленная скотина, — проходит процедуру включения в своё.

И главное: нечистая сила не разлита по миру равномерно. Она локализована, у неё есть адреса. Поэтому с ней можно иметь дело — обойти, договориться, не нарушить правил. Мир славянской мифологии — страшный, но не хаотичный. Он подчиняется законам, и законы эти можно знать.

Глава 3. Явь, Навь, Правь: разбор одного популярного мифа

Прежде чем идти дальше, нужно разобраться с терминологией, которую вы почти наверняка встречали — и которая на три четверти придумана.

Если открыть любой популярный сайт о славянской мифологии, вам немедленно сообщат: мир славян делился на три части — Явь (мир живых), Навь (мир мёртвых) и Правь (мир богов и высшего закона). Иногда добавляют Славь. Схема выглядит стройно, звучит архаично и охотно воспроизводится.

Разберём её по частям.

Навь

Слово подлинное, и это, пожалуй, самое ценное слово во всей теме.

Корень *nav- в праславянском связан со смертью. Он даёт древнерусское «навь» — мертвец, покойник; «навьи» — души умерших. В «Повести временных лет» под 1092 годом в Полоцке описывается мор: «…яко человеком глаголющим, яко навье бьють полочаны». То есть мертвецы бьют полочан — эпидемия осмыслена как нападение невидимых покойников.

Отсюда же украинское и белорусское «нав'ський», «наўскі» — относящийся к мертвецам; «Навский великдень», «Наўскі Вялікдзень» — Пасха мертвецов, четверг на Пасхальной неделе или перед Троицей, когда покойники выходят и для них готовят. Отсюда словенское «navje» — души некрещёных детей. Отсюда, вероятно, и слово «навет».

Навь — это реальный, засвидетельствованный, глубоко архаичный термин. Он означает мертвецов и всё, что с ними связано. Это понятие, а не географическое название «мира мёртвых» с границами, и уж точно не половина дуальной космологической схемы. Но корень настоящий, и я буду им пользоваться.

Явь

Слово тоже настоящее — в том смысле, что оно существует в русском языке и означает «реальность, бодрствование, то, что наяву». Но как мифологический термин, обозначающий «мир живых» в противопоставлении Нави, оно не засвидетельствовано ни в одном древнем или этнографическом источнике. Пара «явь — навь» в этом значении — конструкция XX века. Она собрана по созвучию и по симметрии, которой требовала схема.

Правь

А вот это — чистая выдумка, и её происхождение известно.

Термин введён в оборот «Велесовой книгой» — текстом, который предъявили научному сообществу в середине XX века как древнейший памятник славянской письменности на деревянных дощечках. Экспертиза языка не оставила от него ничего: это подделка, выполненная человеком XX века с плохим знанием древних славянских языков. Там перемешаны формы разных эпох и разных языков, там присутствуют грамматические конструкции, невозможные ни в один исторический период, там видна рука любителя. Приговор филологии единогласен — от Лидии Жуковской, которая в 1960 году разобрала присланную ей фотографию «дощечки» и показала, что на ней не дерево, а рисунок на бумаге, до Олега Творогова, Анатолия Алексеева и Игоря Данилевского, подробно разобравших сам текст. Среди специалистов по древнерусскому языку и палеографии вопрос о подлинности «Велесовой книги» не является дискуссионным. Он закрыт.

Само истолкование триады дал публикатор книги Юрий Миролюбов: Явь — реальность, Правь — управляющие ею законы, Навь — потусторонний мир. Отсюда слово ушло в массовую литературу, прижилось — и теперь сотни книг и сайтов излагают «триглав Явь-Навь-Правь» как исконную

славянскую космологию. Исследователи неоязычества отмечают, что «Велесова книга» остаётся практически единственным текстом, в котором все три термина вообще встречаются вместе.

И последнее, что стоит знать: в подлинном языке «правь» — вообще не существительное. Чтобы сделать из него название мира, его потребовалось сначала им сделать.

Почему это важно

Можно спросить: какая разница? Красивая схема, людям нравится, никому не вредит.

Разница в том, что подделка занимает место подлинного. Когда всё пространство заполнено выдуманной стройной схемой, настоящий материал — странный, ветвящийся, полный противоречий — становится неинтересен и невидим. А он интереснее. Представление о загробном мире у славян как раз и ценно тем, что оно не сводится к одной схеме: у нас есть и далёкая страна за морем, куда птицы улетают на зиму (Вырий, Ирий), и подземный мир, и представление о том, что мёртвые живут тут же, на кладбище и в доме, и приходят к столу в поминальные дни. Эти версии сосуществуют в одной деревне и в одной голове. Вот это и есть реальная мифология — не схема, а живая каша из образов, каждый из которых работает в своём контексте.

Дальше в книге я буду пользоваться словом «Навь» в его

подлинном значении и не буду пользоваться словом «Правь» вообще.

Глава 4. Нечистая сила: кто все эти существа и как они устроены

Теперь зададим главный вопрос: с кем, собственно, имел дело славянский крестьянин?

Проблема с переводом

В книгах по мифологии принято говорить «духи», «демоны», «божества низшего ранга». Все три слова плохи.

«Демон» тянет за собой христианскую и античную рамку: падший ангел, абсолютное зло, богословская иерархия. «Дух» предполагает бесплотность, а славянские существа часто вполне телесны: домового можно схватить за мохнатую лапу, леший оставляет следы, русалка тяжёлая, когда её вытаскивают, упырь ест.

Народная терминология была другой, и она многое объясняет. Общие обозначения: «нечистая сила», «нечисть», «нежить», «бесы», «черти», «они», «те», «хозяева». Слово «нежить» точнее всего: не живое, но и не мёртвое — отдельная категория бытия.

Чаще же всего никакого общего слова не употребляли вообще. Говорили конкретно: «банный», «хозяин», «дедушка», «он сам», «тот, что в хлеву». Или вообще избегали называть. Избегание имени — важнейшая черта: назвать зна-

чит позвать. «Не поминай его к ночи». «Чёрта помянешь — он тут».

Три источника происхождения

Если разложить весь свод существ по происхождению, получится три пласта, и они постоянно смешиваются.

Хозяева мест. Домовой, дворовой, банник, овинник, леший, полевик, водяной, болотник. Это владельцы территорий. Логика предельно простая: любое место принадлежит кому-то, и человек на этом месте — либо хозяин (в доме), либо гость (в лесу), либо нарушитель. Отношения с хозяином строятся по модели социальных: уважение, подарок, договор, обида, месть. Это, по-видимому, самый древний и самый универсальный пласт.

Мертвецы, которые не остались мёртвыми. Упыри, вампиры, заложные покойники, русалки-утопленницы, мавки, мары, навьи, некрещёные младенцы. Источник — нарушенная смерть: умер не вовремя, не своей смертью, без обряда, самоубийцей, роженицей, некрещёным, с незавершёнными делами. Такой покойник не переходит в разряд предков и остаётся между мирами, активным и опасным.

Персонифицированные явления. Болезни (лихорадки, Коровья смерть, Чума), доля и недоля, Пятница и Среда как существа, Полудница как воплощение зноя, Мара как воплощение кошмара. Абстракция обретает тело, пол, одеж-

ду и привычки, и с ней становится возможно взаимодействовать — прогнать, умилостивить, обмануть.

Границы между пластами размыты. Домовой в значительной части записей — не кто иной, как первопредок, первый умерший хозяин дома, основатель. Русалка — то водяная дева, то утопленница, то умершая некрещёная девочка. Леший в некоторых записях — проклятый покойник, в других — изначальная сила, в третьих — чёрт. Кикимора то дух дома, то дочь, проклятая родителями.

Эта зыбкость не дефект материала. Это его природа. Народная демонология — не таксономия, а язык описания опыта, и один и тот же опыт можно описать несколькими способами.

Что у них общего: двенадцать признаков

И всё же при всей размытости существа славянской народной веры обладают устойчивым набором признаков. Понимание этого набора позволяет разобраться в любом новом персонаже, какого бы местного названия он ни носил.

Привязка к месту. Почти всегда есть адрес. Леший не ходит в деревню, водяной бессилен на суше. Это ключ к безопасности: уйди с его территории — он тебя не достанет.

Привязка ко времени. Есть часы и дни, когда они активны: полдень и полночь, закат и заря, Святки, Русальная неделя, Купала, Ивановская ночь, поминальные четверги.

Вне этих окон вероятность встречи мала.

Телесность и уязвимость. Их можно ударить, схватить, поранить, убить. Банника опаливают, лешего бьют, ведьму ранят, и рана обнаруживается утром у конкретной деревенской женщины. Это принципиально: они не всемогущи, они участники физического мира.

Изъян как опознавательный признак. Почти у каждого есть телесная неправильность, по которой его можно распознать в человеческом облике. Нет бровей и ресниц. Нет спины — она пустая, как корыто. Вместо ступней — копыта или птичьи лапы. Левая и правая половины одежды перепутаны, обувь надета не на ту ногу, кафтан застёгнут налево. Глаза не отражают свет или светятся. Нет тени. Мокрый подол, с которого всегда капает. Волосы на лице и теле. Запах — псиной, тиной, серой, гнилью.

Оборотничество. Способность менять облик — почти обязательна. Человек, зверь, вихрь, предмет, свет, клубок, стог сена, младенец у дороги.

Шерсть и мохнатость как знак достатка. Отдельный мотив: мохнатость связана с богатством. Если домовой на ощупь мохнатый — год будет хороший; если голый и холодный — к бедности. Та же логика в «мохнатой руке» при гаданиях: девушка протягивает руку в хлев или в окно, и если её схватят мохнатой лапой — быть за богатым.

Левизна и переворот. Всё у них — зеркально и наоборот. Левая сторона, против солнца, против часовой стрелки,

вывернутая наизнанку одежда, обратный счёт, задом наперёд. Именно поэтому человек, который хочет с ними взаимодействовать, сам совершает переворот: снимает крест, выворачивает тулуп, идёт на перекрёсток, читает молитву наоборот. И наоборот: чтобы защититься от них, достаточно иногда просто вывернуть одежду — вы становитесь «как они», и они вас не видят.

Неспособность сосчитать. Против них работает дробность: мак, зёрна, рыболовная сеть с узлами, щетина. Нечисть обязана пересчитать всё, и это её задерживает до рассвета.

Боязнь железа, огня, соли, чеснока, зари. Устойчивый набор: острое железо (нож, коса, серп, игла), огонь и дым, соль, чеснок и лук, звон (колокол, коса о камень), крик петуха, первый луч. У каждого персонажа свой набор, но он всегда из этого перечня.

Договороспособность. И это, может быть, самая славянская черта во всём списке. С нечистой силой разговаривают. Её просят, благодарят, кормят, с ней торгуются, ей оставляют плату. Леший возвращает заблудившегося, если попросить вежливо и оставить ему гостинец. Водяной отпускает сети, если бросить ему щепоть табаку. Домовой — вообще член семьи. Это не манихейская борьба света с тьмой. Это сложная система соседства с теми, кто сильнее, но тоже живёт по правилам.

Обидчивость как главная причина конфликта. Аб-

солютное большинство несчастий в этнографических записях случается не потому, что нечисть зла, а потому, что человек нарушил правило. Не поздоровался. Помылся в четвёртый пар. Свистнул. Выплеснул помои в неположенное время. Построил дом на дороге. Сел на то место, где они ходят. Отсюда гигантский корпус запретов — и отсюда же, кстати, их практическая ценность: почти каждый запрет при расшифровке оказывается разумным правилом гигиены, безопасности или общежития.

Двусмысленность. Ни один персонаж не является чистым злом. Леший губит и выводит, водяной топит и даёт рыбу, домовой душит и охраняет, ведьма портит и лечит. В этом славянская демонология радикально отличается от церковной: в ней почти нет абсолютного зла, зато очень много опасной силы, с которой нужно уметь обращаться.

Глава 5. Чистое и нечистое

У всей системы, которую мы разбираем, есть одна несущая опора. Не добро и зло, не свет и тьма, не боги и демоны. Чистое и нечистое.

Это главная оппозиция народной культуры, и пока она не понята, большая часть запретов выглядит произвольной. Как только понята — запреты собираются в систему, и становится видно, что они не про мораль.

Чем нечистота не является

Сразу уберём два недоразумения.

Нечистота — не грязь. Это не гигиеническая категория, хотя и пересекается с ней. Крестьянин мог быть немыт неделями и оставаться чистым; роженица, только что вымытая в бане, была нечиста сорок дней.

Нечистота — не грех. Это не нравственная категория. Роженица не согрешила. Покойник не согрешил. Повитуха, приняв роды, не сделала ничего дурного. Нечистота — это не вина, а состояние, в которое человек попадает, соприкоснувшись с границей между мирами, и из которого его нужно вывести обратно.

Ближе всего, пожалуй, современное понятие карантина: состояние временной изоляции, наступающее не по вине, а

по факту контакта, и снимаемое процедурой.

Кто и что нечисто

Всё, что связано с рождением и смертью. Это главный источник. Роженица нечиста сорок дней. Новорождённый нечист до крещения. Повитуха нечиста, пока ей не «размоют руки». Покойник нечист, и все, кто его касался, вместе с ним; участники похорон мыли руки, держались за печь, умывались, возвращаясь с кладбища. Дом, где лежит покойник, нечист целиком, и потому в нём завешивают иконы или их выносят.

Логика здесь прозрачна: и роды, и смерть — это переходы, при которых открывается канал между мирами, и всё, что оказалось рядом, несёт на себе след этого открытия.

Женская физиология. Женщина во время месячных не ходила в церковь, не причащалась, не прикасалась к иконам и святой воде, не ставила квашню и не пекла хлеб, не солила огурцы и не квасила капусту (испортится), не сажала рассаду, не ходила в поле, не доила — в разных местах набор запретов разный, но сам принцип всеобщ.

Нужно сказать прямо, потому что об этом обычно говорят либо с умилением, либо с негодованием: запрет здесь не оценочный. Его содержание — не «женщина грязна», а «женщина в этом состоянии находится у границы жизни и потому не должна касаться того, что должно оставаться стабильным».

Та же логика, что с роженицей и покойником. Но практические последствия для женщин были вполне ощутимыми, и это тоже надо называть вслух.

Пограничные постройки. Баня, овин, мельница, кузница, хлев. В них нет икон, в них не молятся, в них гадают и колдуют — потому что они нечисты. Это не значит «плохи»: баня необходима, мельница незаменима. Они просто не входят в чистое пространство.

Нечистые животные. Разобранный в своём месте список: заяц, свинья, кот отчасти, жаба, мышь, ворон, сова. Отдельно — нечистота по происхождению: падаль, зверь, задавленный хищником, скотина, умершая не от ножа. Такое мясо не ели.

Нечистая земля и нечистые места. Перекрёсток, межа, болото, место, где кого-то убили, место бывшей бани, могила заложного покойника.

Нечистые времена. Полдень, полночь, сумерки, Святки, Русальная неделя — периоды, когда граница открыта.

Нечистые люди. Колдун, ведьма, самоубийца; отчасти — иноверец и чужак; отчасти — профессионалы границы: мельник, кузнец, повитуха, пастух, палач, живодёр, тот, кто моет покойников. Все они делают необходимую работу, и все несут на себе отпечаток.

Что чисто и как это поддерживается

Чистое — это центр: красный угол, иконы, печь, хлеб, стол, святая вода, освящённые предметы, храм, поле во время работы, новорождённый после крещения, человек после причастия и бани.

Чистота — не данность, а результат постоянного обслуживания. Её нужно поддерживать, и инструментов ровно четыре.

Вода. Главное средство. Умывание, мытьё в бане, окропление, «безмолвная» вода, принесённая до рассвета, крещенская вода, вода с иконы, вода с уголька. Мытьё перед праздником, после похорон, после дороги, после чужого человека в доме.

Огонь и дым. Окуривание, прокаливание, «живой огонь», свеча, прожигание крестика на балке, прохождение через костёр.

Соль. Четверговая и освящённая, как универсальный консервант в прямом и в переносном смысле.

Слово. Молитва, крестное знамение, освящение. То, о чём пойдёт речь в следующей главе.

И отдельно — **время**: часть нечистоты снимается просто сроком. Сорок дней роженице, сорок дней дому покойника, срок после похорон, срок после месячных. Переждать — тоже процедура.

Почему это важнее, чем кажется

Обратите внимание, что в этой системе нет зла.

Нечистое не враждебно. Оно не нападает. Оно просто несовместимо с чистым, как сырое с печёным, и беда наступает не от нечистого самого по себе, а от неправильного смешения. Положить нечистое рядом с чистым — вот ошибка. Внести в дом то, что должно остаться за порогом. Печь хлеб в неположенном состоянии. Молиться в бане. Хоронить заложного на кладбище. Венчаться в пост.

Отсюда вытекает совершенно иной тип мышления, чем тот, к которому нас приучила религия и этика. Это мышление не нравственное, а, если можно так сказать, инженерное: есть несовместимые среды, есть границы между ними, есть правила перехода и есть процедуры очистки. Виноват не тот, кто плох, а тот, кто перепутал.

И как только это становится ясно, вся книга читается иначе. Домовой сердится не из злобы, а потому что в его доме нарушили режим. Банник убивает не потому, что зол, а потому что человек вошёл в нечистое помещение в неурочный час. Заложный покойник опасен не как грешник, а как незавершённая процедура. Ведьма страшна не грехом, а тем, что сознательно работает на стороне нечистого.

Нравственность в этой системе, конечно, есть — но она живёт отдельно, в церковной части картины мира, и к нечи-

стой силе отношения почти не имеет. Крестьянин знал, что воровать грех. И знал, что печь хлеб в месячные нельзя. Это были знания из разных отраслей.

Глава 6. Слово и имя: язык как инструмент

Прежде чем перейти к тому, зачем вся эта система была нужна, нужно разобрать её главный инструмент. Не нож, не крест и не чеснок, а слово.

В традиционном сознании слово не описывает мир. Оно на него действует. Это, пожалуй, самое трудное для современного человека место во всей теме — потому что мы привыкли считать язык средством передачи сведений, а в народной картине мира он есть средство воздействия, причём прямого и физического.

Назвать значит позвать

Базовое правило всей системы: произнесённое имя вызывает носителя.

Отсюда вся гигантская область запретов на называние. «Не поминай его к ночи» — то есть не произноси слово «чёрт» после захода. «Чёрта помянешь — он тут». Нельзя поминать нечистого в доме, в бане, в лесу, у воды, при ребёнке, за столом. Нельзя произносить слово «смерть» у постели больного. Нельзя называть покойника по имени в первые дни после смерти. Нельзя звать по имени в лесу — отзовётся не тот.

Это не вежливость и не брезгливость. Это техника безопасности. Имя — это адрес, по которому приходят.

Из того же правила следует обратное: чтобы прогнать, нужно назвать. Отсюда вся заговорная практика с перечислением имён: двенадцать лихорадок, все семьдесят семь жил, все возможные разновидности беды. Безымянная напасть неуправляема. Названная — обязана подчиниться. В заговоре имя есть рычаг.

И отсюда ещё одно правило: знать настоящее имя — значит иметь власть. Поэтому настоящих имён у нечистой силы либо нет, либо их не произносят. Поэтому ребёнка до крещения не называют. Поэтому в ряде мест давали два имени — одно крестильное, тайное, другое для людей. Поэтому на вопрос «как тебя зовут?» в опасном месте не отвечают.

Эвфемизмы: как говорить, не называя

Поскольку говорить о нечистой силе всё-таки приходилось, выработалась огромная система обходных обозначений. Это одна из самых разработанных областей народной речи, и она устроена по нескольким ясным моделям.

Родственные обращения. Дедушка, хозяин, соседушка, братанушка, бабушка. Называть опасное существо родственником — значит переводить отношения в семейный, то есть управляемый, регистр.

Указание на место. Банный, лесной, водяной, дворовой,

тот, что в хлеву, та, что в подполье. Персонаж назван по адресу, а не по имени: это сообщает о нём ровно столько, сколько нужно для дела, и не является вызовом.

Указание на функцию. Знающий, ведающий, шептуха, лихая баба, порчельница. Про человека с особой силой говорят через его занятие.

Нейтральное местоимение. Он, она, они, те, тот самый, оно. Самый употребительный вариант. В полесских записях крестьяне часто рассказывают о нечистой силе исключительно местоимениями, и собиратель, бывает, не сразу понимает, о ком речь.

Хвалебное обозначение. Праведный (о лешем), добрый, хороший, красный. Здесь работает прямая лесть: называя страшное хорошим, его смягчают. Та же логика в именовании медведя «хозяином» и «батюшкой», а Коровьей смерти — «гостьей».

Уменьшительное. Чертёнок, бесёнок, лешачок. Уменьшение имени уменьшает силу.

Отрицательное определение. Нежить, нечистый, некошный, невидимый, неумытый, незнамо кто. Существо определяется через то, чем оно не является; собственное содержание при этом не называется вообще.

Эта система — не украшение речи. Она производит важнейшую работу: позволяет обсуждать опасное, не вступая с ним в контакт. По сути, перед нами разработанный протокол безопасного упоминания.

Запреты: чего нельзя говорить

Хвалить вслух. Главный речевой запрет. Нельзя хвалить ребёнка, скотину, урожай, здоровье, красоту, достаток. Произнесённая похвала немедленно притягивает порчу — независимо от намерений говорящего. Поэтому похвалу обязательно сопровождают нейтрализующей формулой: «не сглазить бы», «тьфу-тьфу», трижды сплюнуть, постучать по дереву, добавить что-нибудь обидное («ах ты, поганый мой»). Отсюда же обычай отвечать на похвалу отрицанием: «да какой он хороший, он совсем худой».

Это одно из самых живучих правил. Запрет хвалить ребёнка вслух соблюдают сегодня люди, не верящие ни во что, — и обычно не могут объяснить, почему.

Называть будущее. Нельзя говорить «я сделаю», «мы приедем», «всё будет хорошо» без оговорки. Отсюда обязательные «даст Бог», «если Бог позволит», «не сглазить бы». Нельзя заранее поздравлять с днём рождения, объявлять о беременности, сообщать о сделке до её завершения, говорить «в последний раз». Произнесённое утверждение о будущем воспринимается как вызов тому, кто будущим распоряжается.

Говорить о беде. Нельзя произносить название болезни у постели больного (отсюда эвфемизмы для всех тяжёлых болезней). Нельзя говорить «умер» — говорят «отошёл»,

«ушёл», «его не стало». Нельзя говорить о покойнике дурно. Нельзя жаловаться вслух без нужды: жалоба притягивает.

Свистеть. Отдельный и очень устойчивый запрет: нельзя свистеть в доме, в лесу, на воде. Свист — это речь без слов, обращённая к тем, кто не говорит. «Свистом деньги высвистываешь» — то есть выдуваешь достаток из дома. На корабле не свистят до сих пор, и моряк объяснит это не хуже вологодского крестьянина.

Божиться и клясться попусту. Произнесённая клятва связывает, и нарушенная — убивает.

Обратная сторона: брань, крик и смех

При этом запретная речь — не просто запретна. Она оружие, и ею пользуются.

Матерная брань в народной культуре устроена парадоксально. В доме, в бане, в лесу, в поле, при иконах, при родах, при хлебе браниться категорически нельзя: это оскорбляет и домового, и лешего, и землю (отдельный мотив: мать-земля от матерной брани стонет и не родит). Но в той же традиции брань — действенное средство против нечистой силы. Заблудившийся в лесу, исчерпав молитвы, начинает ругаться — и это иногда помогает. Отгоняют бранью чёрта, отгоняют русалку, отгоняют мару.

Объяснение, скорее всего, в том, что матерная брань сама принадлежит к иному, запретному, «нечистому» регистру

речи — и потому действует на нечистую силу как своё на своё. Это, по сути дела, тот же приём, что вывернутая наизнанку одежда: человек на минуту становится «как они».

Крик и шум. Шум отпугивает: кричат, стучат, звенят, бьют в заслонку, стреляют, щёлкают кнутом. Этим прогоняют Коровью смерть, отводят градовую тучу, выпроваживают русалок и Чуму, изгоняют зиму. Шумом же обставлены все переходные обряды — свадьба, колядование, проводы.

Смех. Отдельная и странная категория. Смех связан с жизнью и плодородием, и потому его требуют там, где нужно оживить: на свадьбе, на масленичных и купальских игрищах, при «похоронах» обрядовых кукол (которые оплакивают и одновременно высмеивают). Но смеяться нельзя там, где присутствует смерть: на похоронах, у покойника, на кладбище. Смех в неположенном месте — вызов, и за него наказывают.

Голошение. Причитание — особый жанр речи, функционально обязательный. Плакать над покойником нужно, и нужно правильно: с текстом, с формулами, в срок. Для этого существовали профессиональные плакальщицы-вопленицы, и их тексты — одна из вершин русской народной поэзии (достаточно вспомнить Ирину Федосову, чьи причитания записал в 1870-х годах Елпидифор Барсов и которые потрясли читающую Россию). Голошение сопровождает не только похороны, но и свадьбу, и проводы в солдаты — то есть все случаи, когда человек уходит в другое состояние.

Молчание

И последнее, самое сильное: иногда правильная речь — это её отсутствие.

Молчание предписано в десятках обрядов. Молча идут за «безмолвной» водой до рассвета, молча несут её домой, молча ею умывают больного. Молча добывают живой огонь. Молча пекут особый хлеб. Молча идут на кладбище и обратно. Молча несут порчу на перекрёсток и молча уходят, не оглядываясь. В Македонии и Болгарии русалийские дружины обходят сёла, не произнося ни слова, — и это главное условие обряда.

Логика та же, что везде: речь устанавливает связь, а в опасной точке связь не нужна. Молчащий невидим.

Собрав всё вместе, получим очень цельную картину. Слово — инструмент, обладающий силой, и потому требующий обращения не менее осторожного, чем топор. Им вызывают и прогоняют, им лечат и портят, им связывают и развязывают. Его нельзя тратить зря, нельзя произносить вслепую и нельзя произносить не вовремя.

Из всех частей славянской народной веры эта сохранилась лучше всех остальных — потому что живёт не в убеждениях, а в языке, а язык мы наследуем целиком, вместе со встроенными в него правилами, и обычно не замечаем, что им подчиняемся.

Глава 7. Зачем всё это было нужно

Последний вопрос вводной части — самый важный, и на него обычно не отвечают.

Зачем люди в это верили? Не в смысле «как они могли быть так глупы», а в смысле: какую работу эта система выполняла? Потому что системы, которые ничего не делают, не живут тысячу лет.

Она объясняла необъяснимое

В мире без микробиологии, метеорологии и психиатрии события требовали причин. Корова перестала давать молоко. Ребёнок слёг в жару. Хлеб не поднялся. Градом выбило посев у одного хозяина и обошло соседа. Женщина умерла на родах. Здоровый мужик утонул в знакомом омуте.

Случайность — крайне неудобное объяснение. Она не даёт ничего: ни понимания, ни инструмента, ни утешения. Персональная причина — ведьма, обиженный домовой, водяной, сглаз — даёт всё сразу. Есть объяснение, есть виновник, есть процедура исправления и есть способ предотвратить повторение.

Она управляла страхом

Страх, который имеет имя, адрес и правила, переносим. Страх без формы — нет.

«В лесу можно пропасть без вести» — непереносимо. «В лесу есть хозяин, который наказывает невежливых, а если ты попросишь разрешения, перекрестишься и не будешь свистеть, он тебя выведет» — переносимо и даже практично. Мифология не производит страх. Она его структурирует и тем самым делает жизнь возможной.

Она была техникой безопасности

Это, пожалуй, самое поразительное при внимательном чтении. Огромная часть запретов — зашифрованные правила выживания, и расшифровываются они почти механически.

Не ходи один в баню поздно, когда она ещё не выстыла — банник запарит. Реальность: угар от углей, обморок в жару, ошпаривание. В бане действительно регулярно умирали.

Не спи на поле в полдень — полудница придёт. Реальность: тепловой удар, который в жатву на открытом поле убивает.

Не подходи к омуту, не купайся в Русальную неделю, не плавай в одиночку — водяной утянет. Реальность: холодная

вода в начале июня, судороги, водовороты, коряги.

Не бери ребёнка в поле и не оставляй без присмотра у воды — русалка подменит, полудница украдёт. Реальность: дети тонут и теряются, а в разгар страды за ними некому смотреть.

Не отвечай и не оглядывайся, если зовут из лесу незнакомым голосом. Реальность: заблудиться, пойдя на звук, — классический способ погибнуть в лесу.

Не ешь и не пей из непокрытой посуды, оставленной на ночь. Реальность: элементарная гигиена, пыль, мыши, насекомые.

Не строй дом на перекрёстке, на месте бывшей дороги, на месте, где была баня или где кого-то убили. Реальность: отчасти — санитарная и практическая разумность, отчасти — социальная память о плохих местах.

Не ссорься с соседкой, которую считают ведьмой; не хвали вслух чужого ребёнка, скотину и урожай. Реальность: регулирование зависти — главного социального яда маленькой общины, где все на виду.

Она давала процедуру на случай беды

И последнее. Любая мифология, способная выжить, должна отвечать на вопрос «что теперь делать?».

Славянская отвечала с избытком. Заболел — есть заговор и есть человек, который его знает. Пропала скотина —

есть обряд, есть обращение к лешему через печную трубу. Умер родственник — есть подробнейший, расписанный по часам порядок действий, который занимает руки, структурирует горе и возвращает человека в жизнь через девять дней, сорок дней, год. Пришла беда без причины — есть способ её выяснить и исправить.

Это и есть ответ на вопрос, зачем. Не потому, что люди были наивны. Потому что система работала — объясняла, успокаивала, предохраняла и давала действовать.

Мы сейчас пользуемся другой системой, и она лучше в части объяснений и несравненно лучше в части медицины. Но стоит помнить, что когда у нас самих что-то идёт не так необъяснимо и обидно, мы довольно быстро начинаем искать виноватого, а не вероятность. Этот механизм в нас не изменился. Изменились только имена, которые мы ему даём.

Часть вторая. Боги

Глава 8. Перун: тот, у кого молния

Если в славянском язычестве был главный бог, то это он. Перун — единственный персонаж пантеона, о котором мы знаем достаточно, чтобы говорить не только об имени.

Имя

Корень тот же, что в слове «прать» — бить, ударять (отсюда «прачка»: та, что бьёт бельё вальком). Перун — буквально «ударяющий», «разящий».

Имя прозрачно и имеет точные соответствия у ближайших родственников: литовский Перкунас, латышский Перконс, прусский Перкунс. В древнеиндийской традиции есть Парджанья, в скандинавской — Фьёргюн. Это один из самых надёжно реконструируемых индоевропейских богов, громовик с корнем *per- и дубом в качестве священного дерева.

В языке Перун остался намертво. Польское «piorun» — просто «молния», и по сей день. Белорусское «пярун», украинское «перун» — удар грома. Ругательство «пярун цябе забі» — «чтоб тебя громом убило» — живёт до сих пор. В русском само имя стёрлось, но след остался в проклятиях вроде

«разрази тебя гром».

Что о нём сообщают источники

Прокопий Кесарийский в VI веке: славяне «считают, что один из богов — создатель молнии — является единственным владыкой всего». Это не просто громовик, это, по византийскому наблюдению, верховное божество.

«Повесть временных лет» в рассказе о договорах Руси с Византией: русские послы и князья клянутся «Перуном, богом своим» и Волосом, богом скота. Клятва оружием при Перуне — важнейшая деталь: Перун связан с оружием, дружиной, войной и присягой. При Олеге в 907 году клянутся, «по русскому закону», оружием своим и Перуном. При Игоре в 945 году некрещёная русь кладёт щиты, обнажённые мечи, обручи и клянётся Перуном.

Под 980 годом Владимир ставит в Киеве кумир Перуна «древян, а главу его сребрену, а усъ златъ». Перун — первый в списке, у него серебряная голова и золотые усы. Его дядя Добрыня устанавливает Перуна в Новгороде над Волховом.

И под 988 годом — уничтожение. Владимир после крещения велит кумиры «овы исекати, а другие огневи предати», а Перуна привязать коню к хвосту и волочить по Боричеву взвозу к Днепру, и приставить двенадцать мужей бить его палками — «не яко древу чующю, но на поруганье бесу». Идола сплавляют по реке, провожают до порогов. В Новго-

родской летописи параллельный рассказ: Перуна сбрасывают в Волхов, и, по позднейшему преданию, он плывёт, бросает на мост палку — «на сем мне поминать новгородские дети» — отчего на мосту потом вечно драки.

Это, пожалуй, самая выразительная сцена во всей истории славянского язычества: публичная казнь бога по процедуре казни преступника.

Как он выглядел

В летописной иконографии — серебряная голова, золотые усы. Из западных и позднейших описаний, из фольклора и из общеиндоевропейской схемы складывается облик: зрелый мужчина с бородой (рыжей или золотой), на коне или на колеснице, с оружием.

Его атрибуты: топор, камень, стрела. Каменные топорики-амулеты, найденные в большом числе на древнерусских поселениях, с большой вероятностью связаны именно с культом громовика. «Громовые стрелы» — белемниты и фульгуриты, спёкшиеся от удара молнии трубочки песка, — считались материальными следами его выстрелов и ценились как оберег и лекарство, их хранили, клали в стену дома, ими «выкатывали» болезнь. Та же роль у «чёртова пальца» и у камня-«громовика».

Его дерево — дуб. Это засвидетельствовано не только общеиндоевропейски, но и прямо: Константин Багрянородный

описывает, как русь, миновав днепровские пороги, на острове Хортица совершает жертвоприношения у огромного дуба — бросают жребий, режут петухов, кладут хлеб и мясо. Дуб, расщеплённый молнией, — священный предмет. У балтийских соседей культ Перкунаса привязан к дубам прямо и подробно.

Его день — четверг. Это восстанавливается по сопоставлению с балтийскими и германскими данными (английское Thursday, немецкое Donnerstag — «день Тора», «день грома») и по русским поверьям о «великом четверге» и особой силе четверга в заговорной практике.

Куда он ушёл

Боги не исчезают, они меняют имя. Функции Перуна в христианскую эпоху разошлись между несколькими фигурами.

Илья Пророк — главный наследник. Ильин день, 20 июля по старому стилю, — гроза, запрет работать в поле, обязательные общинные трапезы с закланием быка или барана. Илья едет по небу на огненной колеснице, и гром — стук его колёс; он стреляет в чёрта, чёрт прячется за человека, за дерево, за камень, поэтому во время грозы нельзя стоять под деревом (и в этом, заметим, есть ровно та же прикладная польза, что и во всех остальных запретах). «Илья-пророк по небу на колеснице гремит» — это буквально Пе-

рун в новой одежде.

Георгий Победоносец (Юрий, Егорий) взял на себя сюжет поражения змея — ключевой миф громовика — и покровительство скоту и весеннему выгону. Юрьев день весенний, 23 апреля, — выгон скота, обходы с иконой, запрет работать.

Архангел Михаил — воинская ипостась, поражение сатаны копьём.

Основной миф: гроза как погоня

Вот здесь мы вступаем на территорию реконструкции, и я обозначу это прямо: то, что следует ниже, — не пересказ записанного мифа, а гипотеза, построенная на сопоставлении фольклорных формул, обрядов и данных родственных традиций. Её предложили Вячеслав Иванов и Владимир Топоров в 1970-е годы, она стала самой влиятельной конструкцией в славистике и остаётся предметом спора.

Схема такая. Громовик пребывает наверху — на горе, на вершине дерева, в небе. Его противник — змеевидное существо внизу: в воде, в корнях, под камнем, в скоте. Противник совершает нарушение: похищает скот, крадёт воду, прячет урожай, уводит жену громовика. Громовик преследует его, противник бежит и последовательно прячется — в дерево, в камень, в человека, в скот, в воду. Громовик разбивает укрытия одно за другим — отсюда расщеплённые дере-

вья, расколотые камни, убитые молнией животные и люди. Поединок заканчивается победой: освобождается вода, идёт дождь, возвращается скот и плодородие.

Обоснование у этой схемы серьёзное. Гроза действительно описывается в фольклоре как погоня и стрельба. Запрет стоять под деревом в грозу объясняется именно тем, что там прячется чёрт. Убитое молнией считается нечистым или, напротив, очищенным. Имя противника в балтийской параллели — Велняс, и оно подозрительно похоже на имя, к которому мы сейчас перейдём.

Критика тоже серьёзная. Главное возражение: ни один источник не говорит нам, что противником Перуна был Велес. Это вывод по аналогии, сделанный из сопоставления с балтийским материалом и из топографии киевских идолов. Археолог и критик мифологических реконструкций Лев Клейн и ряд других исследователей указывают, что конструкция «основного мифа» объясняет слишком много и потому слабо проверяема.

Я привожу её потому, что без неё невозможно читать литературу по теме, — и потому, что она действительно элегантна. Но относиться к ней следует как к гипотезе, а не как к пересказу славянской «Эдды».

Глава 9. Велес: скот, золото и тот свет

Второй по надёжности персонаж — и второй по количеству спекуляций.

Имя и свидетельства

В летописных договорах рядом с Перуном клянутся «Волосом, богом скотьим». В «Слове о полку Игореве» вещий Боян назван «Велесовъ внуче». В поучениях против язычества упоминается «Волосъ» и «Велесъ» как идол.

Имя, вероятно, связано с корнем, обозначающим нечто вроде «волос, шерсть» — отсюда прямая связь со скотом и мохнатостью; возможна и связь с балтийским *vel- в значении «мёртвый» (литовское «velė» — душа умершего, «vėlės» — души, «velnias» — чёрт). Если второе верно, Велес с самого начала связан с миром мёртвых.

Что у него в сфере

Три вещи, и они логично связаны между собой.

Скот. «Скотий бог» — прямое указание источника. Скот — главное богатство, и бог скота есть бог богатства.

Богатство и золото. Слово «скот» в древнерусском означало не только животных, но и имущество, деньги (от-

сюда «скотница» — казна). Низ, подземное, корни — это и мёртвые, и клады, и руда, и плодородие почвы.

Мир мёртвых и потусторонняя мудрость. Боян — Велесов внук: поэтическое и вещее знание идёт от Велеса. Связь низа, смерти и знания — универсальна: знают именно мёртвые.

Из этого выводят змеиный или звериный облик (змея, медведь, бык) и связь с водой и влажным низом.

Куда ушёл

Святой Власий (Волос). Созвучие сыграло роль, но главное — функция: Власий покровительствует скоту, 11 февраля — Власьев день, «Власий — скотий бог», в этот день скот кропят водой, служат молебны, кормят особым хлебом. Переход почти механический.

Святой Николай в значительной части своих народных функций — покровитель, хозяин, помощник в дороге и на воде, распорядитель достатка.

Чёрт. Это мрачная сторона истории. Если балтийская этимология верна, то Велес и его аналог Велняс сошлись в одной точке: имя главного бога низа стало обозначением нечистого. Такое с богами проигравшей религии случается часто.

«Волотка на бородку». Отдельный любопытный след: обычай при жатве оставлять последний несжатый пучок ко-

лосьев, завязывая его узлом. В разных местах его называли «Велесовой бородкой», «Волосовой бородкой», «бородой» — и оставляли как долю хозяина поля. В записях XIX века «борода» чаще посвящалась Илье, Николе или просто «на бородку», но название с корнем «волос» зафиксировано, и это, возможно, прямой реликт.

Чем Велес не был

Велес не был «богом магии и мудрости» в том виде, в каком его описывают популярные источники, — то есть славянским Одином с совиными атрибутами. Он не был «хранителем Нави» в должности привратника. Он не был мужем Мары и не воспитывал волхвов в «Велесовых школах». Всё это — новейшая литература.

И он не был, насколько мы знаем, абсолютным злом. Противопоставление Перуна и Велеса как света и тьмы — продукт переноса христианской дуальности на материал, где она, скорее всего, не работала. Велес — хозяин иной, нижней части мира, и его почитали, а не боялись; им клялись в государственных договорах наравне с Перуном.

Глава 10. Мокошь и женская сила

Единственное женское божество в киевском списке — и, похоже, самое долговечное из всех.

Имя и свидетельства

Мокошь (Макошь, Мокуша) стоит последней в перечне идолов Владимира. Она же многократно упоминается в поучениях: молятся «Мокоши», ставят ей требы. В исповедных вопросниках XVI–XVII веков священника прямо инструктируют спрашивать на исповеди у женщин: «Не ходила ли к Мокуше?» Это уникально: ни об одном другом божестве церковь не спрашивала на исповеди спустя шестьсот лет после крещения.

Этимология спорна. Основные версии: корень «мок-» (мокрый, влага — отсюда связь с водой и плодородием) или корень, связанный с прядением (ср. «мотать»; возможна связь с индоевропейским корнем для «плести, ткать»). Вторая версия хорошо согласуется с её функциями.

Что в её сфере

Прядение и ткачество. Это главное. Мокуша в северных поверьях — та, кто следит за куделью: она «стрижёт

овец», прядёт по ночам, наказывает нерадивую пряху — путает нити, оставляет на прялке следы. Перед постом и в пятницу прялку надо убрать, иначе Мокуша придёт и напрядёт сама, и это плохо. Женщины гадали, оставляя на ночь кудель: если убудет — Мокуша работала.

Судьба. Прядение и судьба — одно и то же во множестве традиций: мойры, парки, норны, которые прядут и перерезают нить. Славянское «доля» и «недоля», «суд», «срок» — в этом же семантическом поле. Если Мокошь — пряха, она — распорядительница судьбы.

Плодородие, вода, роды, женская работа. Урожай, дождь, скот, роды, всё, что относится к женскому хозяйству и женскому телу. Отдельно — овцы и стрижка, прядение из овечьей шерсти.

Пятница. Её день.

Куда ушла

Здесь переход виден лучше, чем в любом другом случае.

Параскева Пятница. Святая Параскева (её имя по-гречески означает «пятница») в русской народной традиции приняла на себя весь комплекс. Пятница — день, когда нельзя прясть, ткать, стирать, мыть голову, выносить сор. Нарушение наказывается: «Пятница» приходит ночью, исколотая иглами и веретёнами, и показывает, что с ней сделала нерадивая баба. Молитвы Параскеве — о замужестве, о детях, о

здоровье скота. Её почитали у воды, у источников, на «пятницких» колодцах, куда приносили в жертву кудель, нитки, полотенца, шерсть. «Обетные пятницы» в деревнях — локальные праздники с общинной трапезой.

Богородица. Главный и всеобъемлющий женский образ, к которому стянулись защитные и материнские функции. В заговорах Богородица — та, кто приходит, обвязывает, зашивает, останавливает кровь, пеленает.

Святая Анастасия, святая Варвара, Неделя (Воскресение) как персонаж. У южных славян персонифицированная Неделя (Света Неделя) — женщина, запрещающая работать в воскресенье, с той же логикой наказания.

Рожаницы, суденицы, доля

Отдельный и очень архаичный комплекс — женские существа, определяющие судьбу новорождённого.

В русских поучениях упоминаются «Род и рожаницы», которым ставят трапезу. У южных славян это суденицы, судженицты, орисницы, наречницы — три (иногда больше) женщины, которые приходят на третью ночь после рождения ребёнка и вслух назначают ему судьбу: сколько жить, как умереть, кого любить. Их приход готовят: ставят на стол хлеб, соль, вино, монету, оставляют окно открытым, не гасят свет, не шумят. Иногда их можно подслушать — и тогда узнать судьбу, но изменить её нельзя.

У западных славян этому соответствуют судички и судице. У поляков и чехов известны и аналогичные фигуры, приходящие к колыбели.

Это очень близко к греческим мойрам и германским норнам — настолько близко, что, скорее всего, перед нами общее индоевропейское наследство, а не заимствование. И это, пожалуй, самый цельный фрагмент «высокой» мифологии, сохранённый народной традицией, — потому что он был привязан к родам, то есть к событию, которое случается в каждом доме.

Глава 11. Солнце, небо и огонь: остальные имена из списка

Теперь — боги, о которых известно почти исключительно то, что они существовали. Я перечислю их честно: имя, свидетельство, обоснованная догадка, и граница, за которой начинается выдумка.

Сварог и Сварожич

Сварог упомянут не в киевском списке, а в «Ипатьевской летописи» и в поучениях, где он сопоставлен с греческим Гефестом: при Свароге «начаша человеци ковати оружие». Огонь называют Сварожичем — «сыном Сварога»: в поучениях обличают тех, кто «огневи молятся, зовуще его сварожичемь».

Имя, вероятно, связано с корнем, означающим небо, свет, жар (ср. древнеиндийское «svarga» — небо, «svar» — солнце; хотя прямое родство оспаривается, а часть исследователей выводит имя из «сварить, свара»). Сварог — небесный бог, связанный с огнём и кузнечным делом.

Что известно достоверно: имя, связь с огнём и ковкой, существование «сварожича» как обозначения огня.

Что выдумано: Сварог как верховный бог-творец, отец всех остальных богов, создатель мира и кузнец, выковавший

небесную твердь и давший людям плуг. Это — реконструкция, во многом созданная в XX веке и развёрнутая в неоязыческой литературе.

Дажьбог

В киевском списке. В «Слове о полку Игореве» русские дважды названы «Дажьбожьими внуками» — это важно: Дажьбог выступает как прародитель народа.

Имя читается прозрачно: «дай-бог», то есть «дающий бог», податель. Второй вариант — от «dagъ» (жечь, жар), что даёт солнечное прочтение. В поучениях Дажьбог сопоставлен с Солнцем и назван сыном Сварога.

Что известно: имя, высокое положение в списке, роль прародителя, вероятная связь с солнцем и подаянием благ.

Что выдумано: подробная биография, брак с Марой или с Живой, «путь Дажьбога по небу на колеснице с четвёркой коней» в деталях, дни памяти и обрядовые циклы.

Хорс

В киевском списке, сразу за Перуном. В «Слове о полку Игореве» Всеслав Полоцкий «скочи влъкомъ… великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше» — то есть пересёк путь Хорса, бегущего волком, до рассвета. Это указывает на солнечную природу: путь Хорса — путь солнца.

Имя, по наиболее принятой версии, иранского происхождения (ср. персидское «хуршид» — солнце), что указывает на заимствование из иранского мира — скорее всего, через контакты с аланами и сарматами или через хазарско-иранскую среду. Это, кстати, отдельно интересно: киевский пантеон не был чисто славянским, в нём есть иранские имена.

Что известно: имя, связь с солнцем, вероятное иранское происхождение.

Что выдумано: разделение солнечных функций между Хорсом (солнце-светило), Дажьбогом (солнце-свет), Ярилом (солнце весеннее) и Колядой (солнце младенческое) с чёткими сезонными ролями и четырьмя ипостасями солнца на год. Эта красивая четверица — конструкция популярной литературы XX века.

Стрибог

В киевском списке. В «Слове о полку Игореве» — ключевое место: «Се ветри, Стрибожи внуци, веютъ съ моря стрелами». Ветры — внуки Стрибога.

Имя трактуют по-разному: от корня «простирать», «расстилать» (простирающий, рассеивающий); от иранского корня со значением «высокий, возвышенный»; от «стри-» в значении «уничтожать». Единого решения нет.

Что известно: имя, связь с ветрами.

Что выдумано: Стрибог как «бог-отец», «бог войны»,

«владыка воздушной стихии со свитой из семи ветров по именам».

Симаргл (Семаргл)

В киевском списке. Упомянут и в поучениях, иногда в разделённом виде — «Сима» и «Регла», что выглядит как следствие непонимания писцом незнакомого имени.

Самая убедительная трактовка — иранская: Симаргл сопоставляется с Сэнмурвом, персидской вещей птицей-псом (Симург в более поздней форме), крылатым существом, связанным с деревом и семенами. В таком случае перед нами ещё одно иранское заимствование в киевском пантеоне, и Симаргл — крылатый пёс, охранитель посевов.

Что известно: имя и его присутствие в списке.

Что выдумано: Семаргл как «бог огня и огненный волк», рождённый из искры от удара Сварога по камню, страж небесных врат, супруг Купальницы, отец Купалы и Костромы. Весь этот сюжет — целиком литература XX века, построенная на «Книге Коляды» Александра Асова и аналогичных сочинениях.

Ярила и Купала

Это особый случай, и он требует внимания, потому что путаница здесь максимальна.

Ярила (Ярило) и Купала хорошо засвидетельствованы — но не как боги. Это обрядовые персонажи, то есть куклы или ряженые, которых изготавливали, носили, оплакивали и уничтожали в ходе календарных обрядов.

Ярилины гулянья описаны в источниках XVIII–XIX веков: в Воронеже в 1760-е годы епископ Тихон Задонский лично разогнал ярилин праздник на площади; в ряде мест изготовляли чучело Ярилы с подчёркнутыми половыми признаками, носили его, устраивали «похороны Ярилы» с голошением и смехом, потом разрывали или бросали в воду. Имя связано с корнем «яр-»: ярый, яркий, яровой, ярость, весенняя сила, оплодотворяющая мощь, течка у скота («ярится»).

Купала — обрядовая кукла или дерево, которую рядили, носили, топили или сжигали в ночь на Иванов день. Имя связано с «купать»: главный обряд ночи — купание, обливание, вода.

То есть: это персонификации обряда, а не божества, которым строили храмы. Такие персонажи известны во множестве: Кострома, Коструб онька, Марена/Морена как купальское или масленичное чучело, Масленица, Семик, Мара у западных славян. Все они делаются, используются и уничтожаются — в этом их суть. Их «смерть» и есть обряд.

Книжная традиция XVII–XVIII веков сделала из них богов по простому механизму: летописец или компилятор, встречая запись «празднуют Купалу», заключал, что Купала — идол, которому празднуют. Так в поздних летописных

компиляциях и в «Синопсисе» Иннокентия Гизеля (1674) появились «идол Купала» и «идол Ярило». Оттуда они перешли в популярную литературу, а из неё — в современные пантеоны, где им уже приписаны родословные и сферы ответственности.

Подлинное здесь — сами обряды, и они великолепны. О них будет отдельная глава.

Глава 12. Небо: солнце, луна и звёзды

Имена солнечных богов мы разобрали и увидели, как мало о них известно. Но рядом с книжным пантеоном существовало то, о чём мы знаем очень много, — живое отношение к небу. И оно, в отличие от Хорса и Дажьбога, записано в тысячах свидетельств.

Солнце

Солнце живое, и оно видит. Это основа. Солнце — око: око Божье, око неба. На солнце нельзя показывать пальцем, нельзя плевать в его сторону, нельзя при нём делать срамное и нельзя мочиться на солнце — за это болит живот или нападает болезнь. При солнце не ругаются.

Солнце ходит и устаёт. Оно встаёт, идёт по небу, садится, ночью отдыхает или проходит под землёй; на восходе оно чистое и целебное, на закате — уязвимое. Отсюда главный суточный ритм: всё благое делается с утра, на восходе, лицом к востоку; всё вредоносное — на закате, лицом к западу. Заговор на выздоровление читают на восходе, заговор на порчу — на закате. Умываются и собирают росу до солнца. После заката не выносят сор и не дают взаймы.

Солнце играет. На Пасху, на Купалу, на Благовещение солнце «играет», «пляшет», «скачет» на восходе — перели-

вается и дрожит. Выходили смотреть; увидеть — к счастью. Явление оптически вполне реальное — дрожание диска у горизонта от рефракции, — и наблюдали его точно.

Солнце поворачивает. Два солнцеворота, зимний и летний, осознаются именно как поворот: «солнце на лето, зима на мороз». С зимним связаны Святки, с летним — Купала, и горящее колесо, которое спускают с горы, — прямое изображение этого поворота.

Луна

Если солнце связано с днём, порядком и благом, то луна — с ночью, ростом, водой, женским и колдовским. И внимания ей уделено не меньше.

Фазы как расписание. Самая практичная часть всей народной астрономии. На молодой, растущей луне («на молодик», «на новец») делают всё, что должно расти: сеют то, что растёт вверх, сажают, заводят скотину, начинают дело, стригут волосы для роста, переезжают. На полной — собирают травы, солят, варят. На убывающей («на ветху») делают всё, что должно уменьшиться: сводят болезнь, выводят бородавки и мозоли, сажают корнеплоды, рубят лес на постройку. В межлуние не начинают ничего.

Эта система удивительно устойчива. Лунный календарь садовых работ, который и сегодня печатают в календарях, — прямой потомок крестьянского; изменилось только то, что

раньше в него верили, а теперь он живёт как привычка.

Луна и вода. Молодой месяц «показывают» деньгами и просят приплода: показывают ему монету через окно. Луна связана с водой, с ростом и с женскими циклами — связь, которую народная культура заметила и закрепила задолго до всяких объяснений.

Пятна на луне. Повсеместный сюжет: это Каин и Авель, или брат, поднявший брата на вилы, или вор, пойманный в лунную ночь и на луну поднятый. Луна, иначе говоря, — место ссылки за грех.

Затмения. Солнце или луну «съедают», «заедают» — волк, змей, ведьма, волколак. У южных славян распространено представление, что луну «пьют» ведьмы, и во время затмения шумели, стучали, стреляли, звонили — чтобы отогнать. Отдельный сюжет: ведьма умеет «снять луну» или отнять у неё свет.

Затмение всегда к беде: к войне, мору, неурожаю. Это хорошо согласуется с летописной традицией, где затмения регулярно отмечены как знамения.

Звёзды

У каждого своя звезда. Самое устойчивое и, может быть, самое трогательное представление: звёзд столько же, сколько людей; при рождении человека звезда зажигается, при смерти падает или гаснет. Падающая звезда — чья-то

смерть. Считать звёзды нельзя: по одной версии, сосчитаешь свою и умрёшь, по другой — на теле выступят бородавки или веснушки.

Млечный Путь. Названий много, и почти все дорожные: Птичий путь, Гусиная дорога (по нему птицы улетают в Вырий), Становище, Мамаева дорога, Батыева дорога, Дорога в Иерусалим, украинский Чумацький Шлях — по нему ходили чумаки за солью. То есть Млечный Путь — это дорога: птичья, военная, купеческая или в святую землю.

Созвездия. Большую Медведицу называли Возом, Телегой, Колесницей, Санными Звёздами; Плеяды — Волосожарами, Стожарами, Решетом, Куриным или Утиным гнездом; Пояс Ориона — Косарями, Кичигами, Граблями, Аршином, Тремя Братьями. Венеру — Зарницей, Денницей, Вечерницей.

Названия хозяйственные, и это само по себе показательно: стожары — это колья, на которые ставят стог; кичиги — орудия молотьбы; воз — воз. Небо описано тем же инвентарём, что двор. По этим ориентирам определяли время ночи и сроки работ, то есть перед нами реально работавшая навигация. Полный свод русских народных названий светил собран в «Словаре астронимов» Марии Рут — чтение, которое я рекомендую всякому, кто сомневается, что крестьянин смотрел на небо внимательно.

Кометы. Звезда с хвостом — к войне, мору, смерти государя. Устойчиво и без вариантов.

Гроза, радуга, ветер

Гроза уже разобрана: Илья на колеснице, стрельба по чёрту, запрет стоять под деревом, «громовые стрелы». Добавим: в грозу закрывали окна и трубу, чтобы не влетело, не держали в руках металл, крестились при первом ударе. А убитого молнией в одних местах считали наказанным, в других — напротив, взятым к Богу; хоронили его то как заложного, то с особым почётом. Это один из немногих случаев полного расхождения между местными традициями, и он хорошо показывает, что единой «славянской веры» не существовало.

Радуга пьёт воду из реки — выпивает и поднимает наверх, чтобы потом вылить дождём. Это объяснение круговорота воды, и, в своём роде, верное. Пройти под радугой — переменить пол или судьбу. Указывать на радугу пальцем нельзя.

Ветер. Ветров несколько, они братья, у каждого свой характер и своя сторона. Их зовут, когда нужно: мельник и сеятель подзывают ветер свистом или просьбой — это, между прочим, единственный случай, когда свистеть разрешено и даже необходимо. Вихрь, как мы знаем, — чёрт. А злой ветер приносит болезнь: «надуло», «ветром надуло» — обычное объяснение простуды и воспаления, в котором народная этиология неожиданно совпала с бытовой современной.

Что из этого следует

Небо в народной картине мира — не пантеон и не абстракция. Это работающий прибор.

По солнцу определяют распорядок дня и благоприятную сторону. По луне — сроки работ, лечения и начинаний. По звёздам — время ночи и сезон. По грозе, радуге и ветру — погоду и причины болезни. Всё это переплетено с мифологией и неотделимо от неё, но функция этого знания прикладная.

И здесь любопытный итог для всей второй части книги. О великих солнечных богах мы знаем почти ничего: голые имена в летописном списке. Зато о том, как крестьянин относился к самому солнцу, мы знаем до мелочей — вплоть до запрета показывать на него пальцем.

Это, по-видимому, и есть правильная пропорция. Богов забыли через поколение после крещения. Небо никуда не делось, и отношения с ним продержались ещё тысячу лет.

Глава 13. Боги Балтийского Поморья

Самое подробное, что у нас есть по славянскому язычеству, относится не к Руси, а к западным славянам Балтийского побережья — потому что там язычество держалось дольше всего, до второй половины XII века, и было уничтожено в ходе крестовых походов, участники которых оставили записи.

Святовит (Свантевит) в Арконе

Главное святилище западных славян — на острове Рюген, у племени руян. Саксон Грамматик в «Деяниях данов» описывает его подробно, со слов участников похода Вальдемара I 1168 года.

В центре городища — храм, обнесённый двойной оградой, внутри — деревянный идол выше человеческого роста, с четырьмя головами, обращёнными в четыре стороны, четырьмя шеями, двумя грудями. В правой руке — рог из драгоценного металла, наполняемый вином. Раз в год жрец осматривал рог: если вино убыло — год будет голодным, и тогда нужно запасаться; если осталось вровень — урожайный. Вино выливали к ногам идола, наполняли свежим, жрец выпивал и просил у бога благ. Рядом — огромный пирог в человеческий рост, за который жрец прятался и спрашивал

народ, виден ли он; народ отвечал, что виден, и жрец желал, чтобы в следующем году его не было видно — то есть чтобы урожай был больше.

При храме содержался белый конь, принадлежавший богу. На нём не позволялось ездить никому, кроме жреца; выдернуть из его хвоста или гривы волос считалось преступлением. Верили, что на этом коне Святовит выезжает ночью воевать с врагами, — и утром конь оказывался в мыле и в грязи. Перед походом гадали: в землю втыкали три пары копий, через них проводили коня, и если он переступал правой ногой первым — предвестие было благоприятным, если левой — поход отменяли.

Святилище получало десятину от добычи, дань от соседей, подарки от купцов. Храмовая казна была значительной. У бога был отряд в триста конных воинов, вся добыча которых шла в храм.

В 1168 году датчане взяли Аркону и срубили идола, а обломками его, по сообщению Саксона, растопили очаг и сварили себе еду — чтобы окончательно обесценить бога в глазах местных. Городище Аркона существует и исследовано археологически: укрепления, следы постройки, культурный слой — всё на месте, хотя идентификация конкретного здания как храма остаётся предметом обсуждения.

Триглав в Щецине и Бранденбурге

«Житие Оттона Бамбергского» и хроника Эббона описывают Щецин с четырьмя храмами-«континами», главный из которых принадлежал Триглаву: идол с тремя головами, закрытыми золотой или серебряной повязкой на глазах и губах. Объяснение, которое дали миссионерам сами местные: три головы означают власть над тремя царствами — небом, землёй и подземным миром, а глаза и губы закрыты потому, что бог не желает видеть людских грехов и говорить о них.

При храме тоже держали коня, чёрного, для гадания по копьям.

Идол Триглава был увезён, по сообщению источников, в Рим как трофей; другое изображение местные жители спрятали у вдовы в дупле дерева, обернув тканью, так что миссионеру досталось только седло священного коня.

Радегаст (Сварожич) в Ретре

Адам Бременский и Титмар Мерзебургский описывают святилище в Ретре в земле ратарей, где стоял идол Редигаста (Радегаста), названный у Титмара Сварожичем. Это важное пересечение: западнославянский Сварожич и русский Сварожич-огонь — одно имя. Святилище Ретры было разрушено в XI веке.

Яровит и Руевит

Яровит почитался в Волегасте и Гавельберге; его атрибут — большой золочёный щит, который хранился в храме и который нельзя было трогать, а выносили только на войну. Жрец Яровита, по сообщению жития Оттона, выступал от имени бога с речью о плодородии: «Я тот, кто одевает поля травой и леса листвой». Имя с тем же корнем «яр-».

Руевит почитался в Коренице на Рюгене: идол о семи лицах и с семью мечами у пояса, восьмой в руке. Когда его срубили, по сообщению Саксона, из него выбежало множество мышей.

Чернобог и Белобог

Гельмольд из Босау в «Славянской хронике» сообщает, что славяне на пирах пускают по кругу чашу и произносят заклинания от имени доброго и злого богов, «ибо злого бога на их языке называют Чернобогом». Это единственное упоминание — и в нём есть Чернобог, но нет Белобога.

Белобог — позднейшая конструкция, достроенная из симметрии. Прямых свидетельств о нём нет; есть топонимы вроде Бялобоже, Белбог, но они ничего не доказывают, поскольку могли возникнуть по иным причинам. Представление о дуалистической паре «чёрный бог — белый бог» как

основе славянской религии — скорее всего, результат наложения на скудное свидетельство Гельмольда позднейших дуалистических схем, в том числе богомильских и книжных.

Почему западный материал так важен

Он даёт нам то, чего нет в восточнославянском: храмы, жрецов, казну, процедуры гадания, календарные праздники с описанным порядком, идолов с иконографией.

И он же ставит вопрос, на который нет ответа. Было ли то же самое на Руси? Если да, то почему от этого не осталось ни храмового здания, которое все признали бы храмом, ни внятного описания жреческой организации, ни археологически бесспорных святилищ (знаменитое «Перынь» под Новгородом и ряд других объектов трактуются по-разному и остаются спорными)? Если нет — значит, славянское язычество не было единым, и балтийские храмовые культы были локальным явлением, развившимся поздно и, вероятно, под давлением христианской экспансии, по принципу «у них церкви — у нас храмы».

Второе вероятнее. И это ещё один довод против того, чтобы собирать единую славянскую религию из разных мест и эпох.

Глава 14. Капища, волхвы и жертвы

О богах мы говорили по именам. Теперь — о том, что вокруг имён: где им служили, кто служил и что им приносили. Здесь источник другой: не летописный список, а земля.

Проблема со святилищами

Начнём с честного признания: бесспорного восточнославянского языческого святилища у нас нет.

Это звучит странно после главы об Арконе, где всё описано вплоть до уровня вина в роге. Но западнославянские храмы известны нам из текстов, а не из земли, а восточнославянские приходится извлекать из земли без текстов. И земля говорит невнятно.

Объектов, которые публиковались как капища, довольно много.

Перынь под Новгородом — урочище у истока Волхова, где, по позднему преданию, стоял идол Перуна, сброшенный в 989 году. Раскопки Валентина Седова в 1950-е дали круглые площадки с ямой в центре и кольцом из камней; он истолковал это как капище с идолом и кострами. Последующие проверки показали, что ямы могут быть остатками погребальных сооружений, а сам комплекс — курганным. Вопрос остаётся открытым.

Збручское святилище (Богит) на Тернопольщине и соседние объекты — Говда, Звенигород, Ржавинцы, Зелёная Липа — исследовались Иваном Русановой и Борисом Тимощуком, которые описали целую сеть «культовых центров» с валами, площадками, жертвенными ямами и костями. Это самый серьёзный корпус данных. Но и его читают по-разному: часть коллег видит там укреплённые поселения и хозяйственные объекты, а не храмы.

Ходосовичи в Гомельской области — круглая площадка с ямой и четырьмя дугообразными выступами по сторонам, истолкованная Рыбаковым как капище Перуна. Объект реальный, трактовка спорная.

Шумск на Волыни, **Киевское «капище» на Старокиевской горе**, найденное Викентием Хвойкой в 1908 году, **Псков**, **Ладога** — тот же набор проблем.

Причина затруднения понятна. Языческое святилище у восточных славян, по-видимому, не было зданием. Это было место: роща, холм, источник, дерево, камень, площадка с идолом и костром. Такое место не оставляет фундамента. Оно оставляет в земле круг, яму, уголь, кости и обломки — то есть ровно то, что остаётся от десятка других типов объектов. Отличить культовую площадку от жилой, оборонительной или погребальной без надписи почти невозможно.

Это важный вывод, и он работает в пользу осторожности. Если у восточных славян были храмы вроде арконского, мы бы их нашли: каменные и крупные деревянные постройки

оставляют след. Их нет — значит, их, скорее всего, и не было, а балтийское храмовое строительство действительно было поздним и локальным явлением.

Идолы

С идолами положение лучше: они хотя бы бывают узнаваемыми.

Збручский идол — главный памятник. Четырёхгранный известняковый столб высотой 2,67 метра, найденный в августе 1848 года в обмелевшей реке Збруч, с изображениями в три яруса: сверху четыре фигуры под общей шапкой, в середине фигуры поменьше, снизу — одна коленопреклонённая, держащая остальные на себе. Атрибуты верхних фигур: рог, конь с саблей, кольцо, меч. Трёхъярусная композиция читается как трёхчастный космос — верх, середина, низ, — и это самое прямое изобразительное свидетельство модели мира, о которой мы говорили во второй главе.

Четыре лица заставляют вспомнить арконского Святовита, и столб так и называют иногда Збручским Святовитом. Но ни одного имени на нём не написано, и любая конкретная атрибуция — догадка. Споры идут и о датировке: есть серьёзная позиция, относящая идол к более позднему времени, и даже сомнения в его подлинности, впрочем, большинством не поддержанные.

Деревянные идолы. Их известно несколько: находки

у Фишеринзеля на озере Толлензе в Германии (двуглавый столб, вероятно западнославянский), идол из Альтфризака, фигуры из Старой Ладоги, из Пскова, из Волина. Дерево сохраняется только во влажном грунте, поэтому таких находок единицы — а между тем летопись прямо говорит, что киевский Перун был «древян».

Каменные «бабы» и столбы на юге — чаще всего кочевнические, половецкие, а не славянские; их регулярно и ошибочно включают в славянский материал.

Малая пластика. Амулеты в виде топорика Перуна, лунницы, коньки, подвески-ложечки, гребни, змеиные головы. Вот этого много, и это, пожалуй, самый массовый материальный след верований. Топорики-амулеты, лунницы и подвески находят тысячами, в том числе в христианских погребениях XI–XIII веков — рядом с крестами. Нагляднее этого двоеверие не выражено нигде.

Волхвы

Жреческого сословия в восточнославянских источниках не видно, но отдельные фигуры есть, и летопись о них рассказывает с большой неохотой и большой выразительностью.

Слово «волхв» родственно «волхвовать», «волшебство»; рядом стоят «кудесник» (от «кудеса» — чудеса, бубен), «обавник», «потворник», «ведун», «чародей», «кобник» (гадатель по птицам), «наузник» (вязальщик узлов-оберегов).

Летописные эпизоды.

1024 год, Суздальская земля. Голод, и «вста волхвы»; они «избиваху старую чадь», то есть убивали стариков и старух, «глаголюще, яко си держат гобино», — говоря, что те держат урожай. Ярослав приходит, волхвов хватает, часть казнит, часть высылает. Это драгоценный эпизод: перед нами не жрецы при храме, а кризисные лидеры, которые в голод указывают виновных и организуют расправу. Механизм ровно тот, о котором речь в главе о ведьмах, — только в XI веке и в масштабе области.

1071 год, Ростовская земля. Опять голод, опять два волхва, опять убийства «лучших жён» по обвинению в том, что они прячут хлеб, жито, мёд и рыбу — причём волхвы вырезают у жертв нечто из тела и показывают народу. Ян Вышатич, боярин Святослава, их ловит, допрашивает — и летопись сохраняет диалог. Волхвы излагают свою космогонию: Бог мылся в бане, вспотел, отёрся ветошкой и бросил её с неба на землю, и сатана заспорил с Богом, кому из неё творить человека; сотворил сатана человеческое тело, а Бог вложил душу. Этот фрагмент — едва ли не единственный в русских источниках пересказ неканонического мифа о создании человека от лица его носителей. Правда, миф этот не языческий, а дуалистический, богомильского типа, и это само по себе показательно: уже в XI веке «волхв» мыслит в категориях апокрифа.

Яну волхвы говорят, что бог их сидит в бездне и что су-

дить их может только Святослав. Он выдаёт их родственникам убитых; те их убивают и вешают на дубе.

1071 год, Новгород. Волхв собирает город против епископа, обещая пройти по Волхову и творить чудеса. Епископ Фёдор встаёт с крестом, князь Глеб — с топором под плащом; Глеб спрашивает волхва, знает ли тот, что будет сегодня. «Чудеса велика сотворю», — отвечает волхв. Глеб вынимает топор и убивает его на месте. Народ разошёлся.

1071 год, Киев. Ещё один волхв, предсказавший, что через пять лет Днепр потечёт вспять, а земли поменяются местами; пропал в одну ночь.

Что из этого следует. Волхвы на Руси — не организованное духовенство, а отдельные специалисты, чей авторитет резко возрастает в кризис: в голод, в мор, при неурожае. Они не служат при капище — они выступают в толпе. И действуют не как хранители древней веры, а как народные провидцы со смешанной, уже полухристианской картиной мира.

Со временем это сословие измельчало и превратилось в деревенского знахаря, о котором речь впереди. Церковные и светские запреты на обращение к волхвам повторяются с XI по XVIII век с удручающим постоянством — и это лучшее доказательство того, что обращались.

Жертвы

Теперь самое неприятное.

Обычные жертвы — скот, птица, еда, питьё, первины урожая. Константин Багрянородный описывает, как русь на острове Хортица режет петухов у огромного дуба, кладёт хлеб и мясо и бросает жребий. Арабские авторы сообщают о приношениях у идолов. Летописи говорят о «трапезах» и «требах». В этнографии то же: петух при закладке дома и первой топке овина, первая рыба — водяному, первая добыча — лешему, последний пучок колосьев — хозяину поля, каша и хлеб — домовому.

Логика здесь не жертвенная, а договорная: за пользование чужим платят долей. Этот принцип переживёт язычество на тысячу лет и дойдёт до советских деревень в виде «оставить хозяину».

Братчины. Общинные пиры с закланием скота, приуроченные к праздникам: Ильин день, Петров день, Юрьев день, местные обетные дни. Быка или барана покупали или выращивали «миром», резали при церкви, освящали, варили и съедали всей деревней. Ещё в XIX веке этнографы описывали, как в Ильин день в северных сёлах закалывали быка у церкви, причём зачастую с явной памятью о том, что обычай старше церкви. Церковь долго с этим боролась, потом смирилась и освящала.

Человеческие жертвы. Вопрос болезненный, и тут важно быть точным. Прямых и надёжных свидетельств мало, но они есть.

«Повесть временных лет» под 983 годом: Владимир воз-

вращается с победой над ятвягами, и старцы с боярами предлагают бросить жребий на отрока и девицу: на кого падёт, того зарезать богам. Жребий падает на сына варяга-христианина; тот отказывается отдать сына, произносит обличительную речь против идолов, и толпа убивает обоих. Церковь чтит их как первых русских мучеников Фёдора и Иоанна. Текст написан, разумеется, христианином через сто лет, и это надо помнить, — но сам обычай жребия он описывает как принятую процедуру.

Лев Диакон, описывая осаду Доростола в 971 году, сообщает, что русы ночью жгли тела павших и при этом закалывали пленных мужчин и женщин, а в Дунае топили петухов и младенцев. Свидетельство византийское, враждебное и, возможно, окрашенное литературной традицией описания варваров.

Ибн Фадлан в 922 году подробно описывает похороны знатного руса на Волге: корабль, шатёр, забитые животные — собака, кони, коровы, петух и курица, — и девушка-рабыня, добровольно согласившаяся идти с господином, которую после сложного обряда убивает старуха, названная «ангелом смерти». Это самое детальное описание погребального обряда во всей источниковой базе — и относится оно не к славянам, а к руси, то есть, вероятнее всего, к скандинавам на славянской территории. Пользоваться им для славянской реконструкции нужно крайне осторожно.

Саксон и немецкие хронисты сообщают о человеческих

жертвах у балтийских славян, в том числе о казни пленных христиан в честь богов. Здесь мотив врага, которого обличают, работает в полную силу.

Строительная жертва. Отдельная линия, которая, в отличие от предыдущих, дожила до этнографически наблюдаемого времени — правда, в замещённой форме. При закладке дома в основание клали деньги, шерсть, зерно, ладан; резали петуха или курицу; в поздних записях закапывали под угол конский или коровий череп. Легенды же прямо говорят, что когда-то в основание закладывали живое существо или даже человека, и общебалканский сюжет о замурованной жене — память об этом. Сюда же относится вера в то, что первый, кто войдёт в новый дом, умрёт первым, и кота впускают именно поэтому.

Что осталось от всего этого

Если выстроить линию, она получится такой.

Публичный культ с идолами, жребием и закланием скота был уничтожен сверху, быстро и демонстративно: идолы изрублены и сплавлены, рощи вырублены, капища заброшены. От него не осталось почти ничего, кроме археологических неоднозначностей и нескольких летописных сцен.

Жреческое сословие, если оно существовало, рассыпалось. Волхв XI века ещё способен поднять область; волхв XIV века — колдун под следствием; его потомок XIX века

— бабка, которая шепчет от испуга.

А вот бытовая жертвенная практика не исчезла вообще. Петух при закладке, первая рыба в воду, борода на поле, каша домовому, братчина в Ильин день, деньги под угол — это всё тот же принцип платы за пользование, просто без богов и без жрецов. Он оказался самым прочным элементом конструкции, потому что не требовал ни храма, ни догмы, ни организации — только понимания, что ничего не берут бесплатно.

Глава 15. Боги, которых не было

Это короткая, но, возможно, самая полезная глава в книге. Здесь перечислены имена, которые вы встретите в любом популярном изложении и которых не было.

Кабинетная мифология XVIII–XIX веков

Механизм был такой. Образованный человек эпохи романтизма хотел, чтобы у его народа была мифология не хуже греческой. Материала не хватало. Материал достраивали — из обрядовых припевов, из ошибок прочтения, из польских и чешских хроник, которые сами были компиляциями, и просто из воображения.

Лель и Полель. Происходят из припева свадебных и хороводных песен: «ой лёли-лёли», «люли-люли». Польский хронист Мацей Стрыйковский в XVI веке предположил, что это имена богов-близнецов, славянских Кастора и Поллукса. Оттуда они разошлись по всей литературе, и у Пушкина в «Руслане и Людмиле» Лель уже вполне живёт. Никаких оснований, кроме припева, не существует.

Дид и Дидилия. Из того же источника — припев «дид-ладо», «ой дид, ой ладо». Превращены в бога брака и богиню плодородия соответственно.

Лада и Ладо. Самый живучий случай. «Ладо», «лада» в песенных припевах — обращение, связанное со словом «лада» (супруг, супруга, милый). Польские и русские книжники сделали из этого богиню Ладу — мать богов, покровительницу любви и брака, иногда с дочерью Лелей. Критика этой конструкции в науке началась ещё в XIX веке (Александр Потебня высказывался резко), и сегодня «Лада-богиня» признаётся несуществующей. Но в популярной литературе она прочно на месте и даже получила «Ладин день».

Зимцерла. Родилась из опечатки или неверного чтения имени «Семаргл» либо «Зимаерзла» в поздних компиляциях; превращена в богиню зари, славянскую Аврору.

Услад, Зевана, Числобог, Догода, Переплут, Яросвет и прочие. Изобретены авторами мифологических словарей XVIII–XIX веков — Михаилом Поповым, Андреем Кайсаровым, Григорием Глинкой — по большей части прямым сочинением «по образцу». Эти словари имели огромный успех и стали источником для всей последующей популярной традиции.

Отдельно стоит отметить: часть этих имён действительно встречается в источниках, но не как имена богов. «Переплут» упомянут в поучении среди объектов поклонения, и о нём нельзя сказать ничего, кроме того, что слово было. Разница между «имя есть, смысл неизвестен» и «божество с описанной сферой ответственности» — принципиальна.

Выдумки XX–XXI веков

Здесь всё проще, потому что авторство известно и датируемо.

«Велесова книга». Предъявлена в 1950-е в эмиграции, якобы скопирована с дощечек, найденных в 1919 году и утраченных. Язык — искусственная смесь, невозможная ни для одной эпохи. Разобрана и отвергнута филологией. Источник терминов «Правь», «Славь», имён «Сварог-отец», множества сюжетов. Главный поставщик «древнего знания» для современного неоязычества.

«Славяно-арийские веды». Сочинение 1990-х, авторство приписывается кругу Александра Хиневича (Омск). Содержит «древнеславянские» тексты о прародине в созвездиях, расовую мифологию и календарь. К славянской традиции отношения не имеет никакого. Ряд материалов этого круга включён в российский федеральный список экстремистских материалов.

«Книга Коляды», «Русские веды» Александра Асова. Литературные компиляции конца XX века, в которых обрывки подлинного фольклора соединены с «Велесовой книгой» и авторским вымыслом в связный «эпос». Именно отсюда происходит большинство современных «славянских мифов» о рождении Семаргла из искры, о браках богов, о Златогорке и Святогоре, о битве Перуна со Скипер-зверем.

Это следует читать как художественную прозу на мифологические мотивы — чем она, по сути, и является.

«Славянские руны», «руница», «велесовица». Славянской рунической письменности не существовало. Письменность у славян появилась с Кириллом и Мефодием; упоминание Храбром «черт и резов» слишком кратко и неясно, чтобы на нём что-то строить, и, скорее всего, относится к счётным или гадательным знакам, а не к алфавиту. Все современные наборы «славянских рун» с именами «Мир», «Чернобог», «Алатырь», «Радуга» созданы в 1990-е годы по образцу скандинавского футарка.

Глянцевый пантеон на 30 имён. То, что вы найдёте в интернете: Род, Лада, Жива, Мара, Чур, Крышень, Числобог, Белобог, Семаргл, Коляда, Авсень, Леля, Девана, Макошь с тремя сёстрами и так далее, с чёткими сферами, днями, символами и «ведическими» соответствиями. Собрано в последние пятьдесят лет из кабинетной мифологии, «Велесовой книги», Асова, индийских заимствований и чистой фантазии.

Почему я на этом настаиваю

Не из вредности и не из желания испортить читателю удовольствие.

Во-первых, потому что подлинного материала хватает на несколько книг, и он лучше. Суденицы, приходящие на тре-

тью ночь к колыбели; Мокуша, которая стрижёт овец и путает кудель; Пятница, исколотая веретёнами; каменные топорики под порогом; белый конь Святовита, выходящий утром в мыле, — это всё настоящее, и это сильнее любого придуманного пантеона.

Во-вторых, потому что подделка всегда беднее. Выдуманный пантеон логичен, симметричен и скучен, как ведомость. Настоящая мифология асимметрична, противоречива, местами абсурдна — потому что живая.

И в-третьих, потому что честность — это тоже часть уважения к предкам. Они оставили нам не то, что нам хотелось бы получить. Но то, что они оставили, — их собственное, а не наше о них представление. И читать стоит именно это.

Часть третья. Хозяева: духи дома, двора и дикого мира

Глава 16. Домовой: предок за печкой

Из всех персонажей славянской демонологии домовой — самый близкий, самый подробно описанный и самый двойственный. Это единственная нечистая сила, которую называли «дедушка», кормили со стола и брали с собой при переезде.

Имена

Их десятки, и почти все — иносказательные, потому что настоящего имени не было или его избегали.

На севере и в центре России: домовой, домовик, дедушка, дедко, хозяин, он сам, доможил, жировик (от «жир» — достаток), подпечник, запечник, голбечник (от «голбец» — пристройка у печи). У белорусов: хатник, господар, дамавік. У украинцев: хатній дідко, домовик. У поляков: skrzat, domowik, iskrzycki. У чехов: hospodáříček, šetek. У южных славян ближайший аналог — «стопан», «куħна змија» (домовая змея), и о нём отдельно ниже.

Обращение почти всегда родственное и уважительное: дедушка, хозяин, соседушка, братанушка. Это важнее, чем кажется: так разговаривают не с демоном, а с главой рода.

Кто он на самом деле

В этнографических записях сосуществуют три несводимые версии его происхождения, и их сосуществование — лучшая иллюстрация того, как работает народная мифология.

Версия первая: предок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.